

КАКИМ ОНИ ВИДЯТ МИР НАДЕЖДЫ И ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА

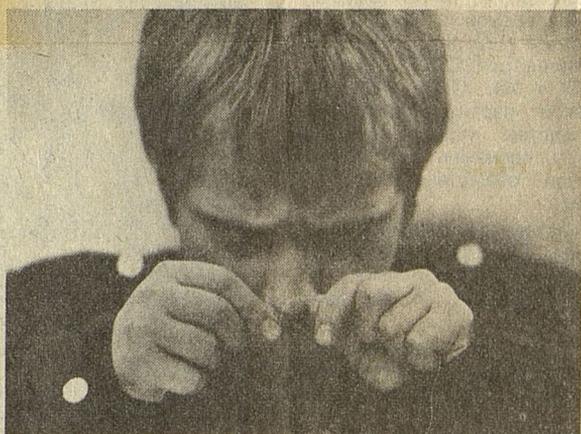
Это очень просто, бросив взгляд на табличку «Школа-интернат № 2 для слабовидящих детей», вздохнуть, подумать, как нелегко им живется, пожалеть и пройти мимо. Пожалеть легко. Сложнее понять, что живут здесь не какие-то неполноценные от природы мальчики и девочки, а абсолютно нормальные дети, но с серьезными дефектами зрения.

Не стоит им приписывать всевозможные психические отклонения, пожалуй, у «очкарика» в обычной школе некий комплекс неполноценности развит сильнее.

Свои «комплексы» есть и у многих родителей, которые не хотят отдавать ребенка в первый класс школы - интерната, ведут в обычную. А затем через год или даже раньше начинают

раскаиваться: сколько времени потеряно! Ребенок отстает в учебе по многим предметам, стоит в сторонке, когда его сверстники затевают шумную чехарду или всем классом отправляются играть в снежки. Маленький человечек остается отторгнутым от коллектива. Да и многим педагогам порой не хватает такта: для себя они уже давно сделали вывод, что сидящие за первой партой Петя или Маша — инвалиды.

Но вот родители приводят детей сюда, в школу-интернат, и скоро понимают, что лучшего места для таких ребят не найти. Серьезные доводы за: постоянное наблюдение врача - офтальмолога, лечебная гимнастика для глаз, позволяющая улучшить зрение, специальные учебные пособия и методики. Плюс отсут-

вие тревоги за ребенка, которая дома мучает постоянно: ну как, например, отпустишь на городскую улицу 8-летнего мальчишку, если он видит в сорок раз хуже, чем его сосед по этажу?

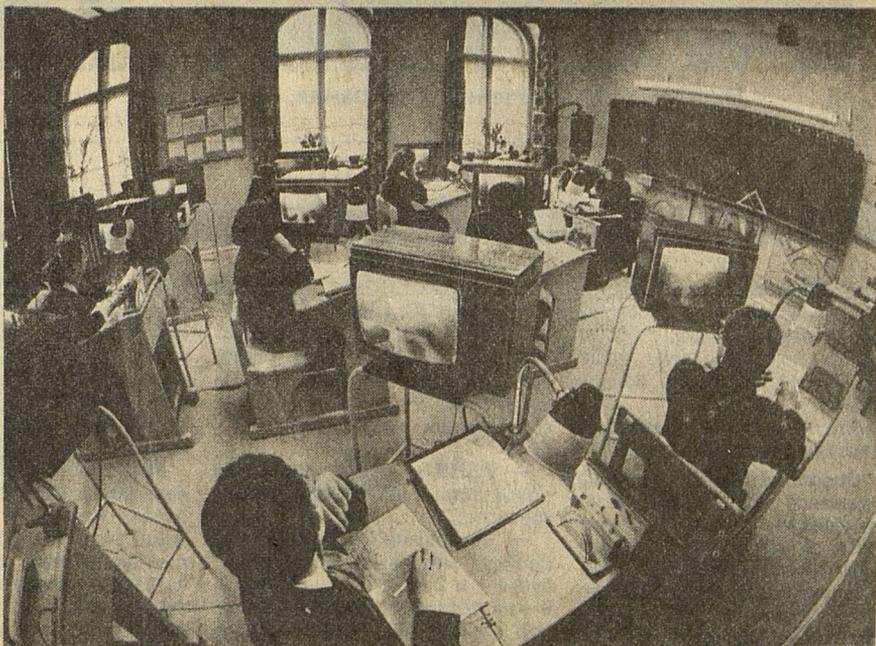
Каким же они видят

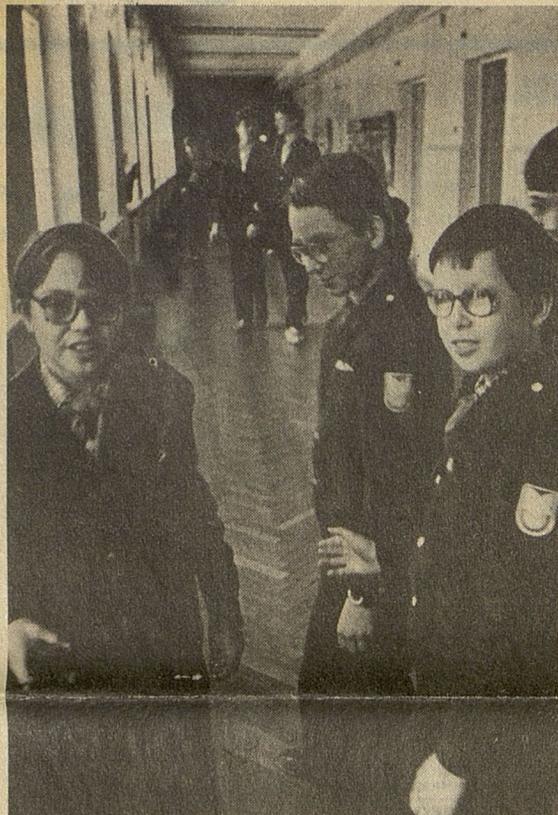
мир, эти мальчишки и девочки? Следил за их ответами на уроках, за занятиями в театральной студии и школьной мастерской. Смотрел рисунки на стендах, обычные детские рисунки: дом и речка, зайчик под елкой, пруд с утками, самолет в небе... Только рисуют их юные художники, почти вплотную подводя глаза к листу бумаги. Кстати, ребят в очках здесь немного: оптическое стекло помогает не при всех дефектах зрения.

Это — нормальная школа. Та же возня в коридорах и беготня по лестницам, те же извалившиеся в снег, похожие на белых медвежат мальчишки, та же любовь у юношей и девушек...

Разные пути в жизни изберут ее воспитанники. Например, Наташа Хомотова пошла работать на завод «Знамя труда», Валера Кроста — фельдшер.

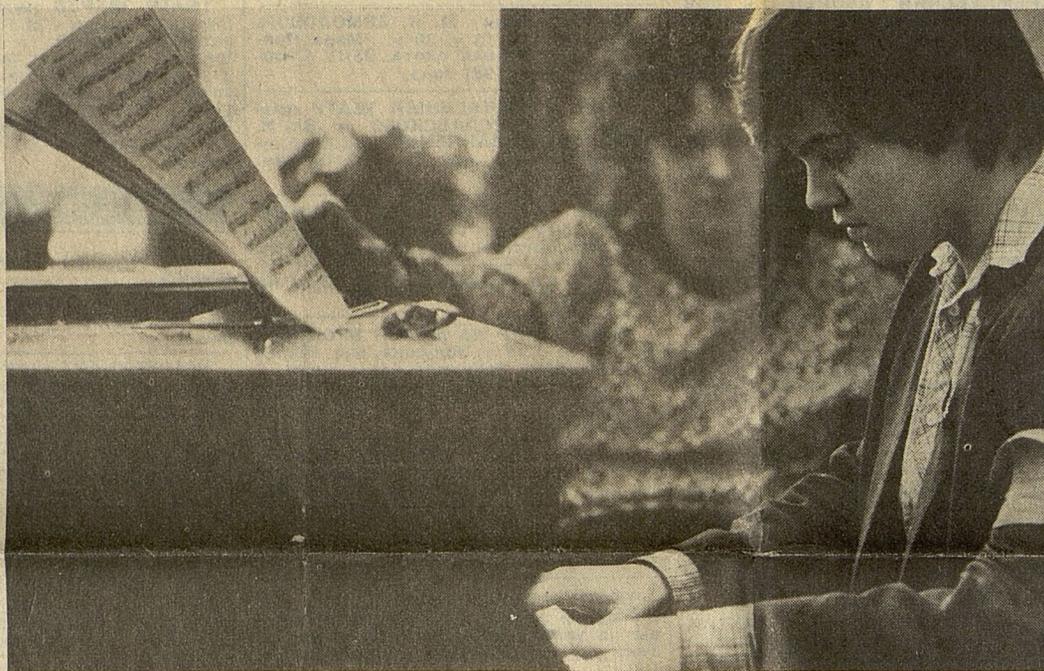
НА СНИМКАХ: а у меня вот так получилось!; непростая все-таки задача вдеть нитку в иглолку; идут занятия по математике.

КАКИМ ОНИ ВИДЯТ МИР

НАДЕЖДЫ И ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА

**ОКОНЧАНИЕ.
НАЧАЛО НА 2-й СТР.**

Валера Баранов трудится во МХАТе, Галина Блошкина учится в аспирантуре.

Кем быть? Вопрос вопросов для выпускников не обходит и эту школу. Идут в Институт культуры и Институт народного хозяйства, в Институт управления, многие поступают в педузы. Последнее — самое наболеевшее у директора школы-интерната Михаила Ефимовича Горелика.

Оканчивают ребята с отличием институт, а какой из них учитель, если слабое зрение не позволяет увидеть, чем занят Петя на второй парте? Отговариваю всеми силами, но все равно поступают.

Михаил Ефимович вертит в руках толстую брошюру — методические рекомендации по профориентации детей с дефектами зрения. Улыбается; еще одна инструкция, получил ее только вчера, сегодня ночью надо почитать внимательно, так хочется высмотреть что-то новое, важное.

Научно обоснованной системы выбора профес-

сий для таких ребят пока нет. И это пример нашей близорукости, душевной слепоты. Почему мы считаем, что место людям со слабым зрением только где-нибудь в цехе фабрики по выпуску пакетиков для лаврового листа? Над этими вопросами работают в НИИ дефектологии АПН СССР, Институт организации труда инвалидов, но пока результаты весомыми не назовешь.

Как ни странно, но выходит, что ребят отлучают от многих профессий еще здесь, в школе. Говорим об общей компьютеризации, а у них нет возможности работать с компьютером — слишком мелки буквы на экране. Сколько бы мог сделать для них электронный помощник, но, увы! А ведь «секрет» регулировки размера букв давно известен, ввести ее можно в любой нормальный компьютер.

Есть и другие проблемы. Скажем, предпринятое Минздравом повышение зарплат не коснулось врачей более чем ста московских школ-интернатов для детей с различными недугами. Они находятся в подчинении

Союзно-республиканского Государственного комитета СССР по народному образованию, а не Минздрава, и получают как (цитирую дословно) «врач дома отдыха в поселках городского типа». Если положение не изменится, в ближайшее время начнется отток квалифицированных специалистов, а их ведь и так не хватает. А подчинить врачей школ-интернатов Минздраву тоже нельзя — не может быть в этих стенах ведомственной границы...

Их всего две в столице — школы для слабовидящих детей. Глазных институтов и клиник намного больше. Однако контактов между ними почти нет, хотя шефство врачей научных центров очень нужно этим ребятам.

Еще задача, требующая решения. Как перед всяким директором интерната, перед Михаилом Ефимовичем стоит задача одеть детей. В ассортименте базы Главпрснабпроса, куда ездит директор за платьями и пальто, — унылые серые вещи, от которых торговля давным-давно отказалась. А чем воспитанники интерната

хуже других детей, почему им нельзя одеваться модно? М. Е. Горелик уже договорился с соседним магазином «Одежда», там готовы продавать интернату хорошие детские вещи. Но на передний план выступает железная буква инструкции: нельзя. «Почему?». — «Нельзя и все тут!».

Проблемы. Сколько их у этих 217 ребят, у педагогов школы-интерната № 2. И решить их одним им — невозможно. Нуж-

на помощь Союзно-республиканского Государственного комитета СССР по народному образованию, шефствующих организаций, наше тепло и внимание.

Л. БАТАЛОВ.

НА СНИМКАХ: большая перемена; на музыкальных занятиях; завтра будет новый день, полный разных открытий.

Фото Александра НАТРУСКИНА.

